

Самылов Олег Валерьевич

КЛИО В ЗЕРКАЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ИСТОРИИ И ИСТОРИЗМ

В статье рассматривается сущность "лингвистического поворота" в историческом познании. На материале философско-исторических концепций Р. Барта, Х. Уайта, Ф. Анкерсмита и др. раскрываются значение и методологические следствия нарративизации и усиления суггестивных практик в историографии. Автор показывает, что новые методологические техники в историческом познании, деконструктивизм и стирание различий историографии и литературы могут расширить эпистемологические возможности академической исторической науки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1:091; 101.1

Философские науки

В статье рассматривается сущность «лингвистического поворота» в историческом познании. На материале философско-исторических концепций Р. Барта, Х. Уайта, Ф. Анкерсмита и др. раскрываются значение и методологические следствия нарративизации и усиления суггестивных практик в историографии. Автор показывает, что новые методологические техники в историческом познании, деконструктивизм и стирание различий историографии и литературы могут расширить эпистемологические возможности академической исторической науки.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; лингвистический поворот; повествовательные техники; исторический дискурс; внетекстовая историческая реальность.

Самылов Олег Валерьевич, д. филос. н., доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
os@rusk.ru

**КЛИО В ЗЕРКАЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ИСТОРИИ И ИСТОРИЗМ[©]**

Природа исторического знания, способы концептуализации сущности исторического процесса, взаимодействие философии истории, исторической науки, нарратологии, философского и литературного дискурсов не являются новыми проблемами в нашей науке, тем не менее, продолжают оставаться актуальными в теоретических обсуждениях и в реализации мировоззренческих подходов к оценке истории, формировании различных ее картин.

В статье мы используем идею М. А. Лифшица, согласно которой реалистическое искусство воспринимает мир в «первой интенции», модернизм же имеет дело с некоей рецепцией действительности [6, с. 442]. Модернизм становится, таким образом, особого рода психотехникой, интерпретацией. Аналогично можно заключить, что и классическое историческое сознание воспринимает мир (историю) в «первой интенции», тогда как в эпоху модерна и постмодерна возникает «историческая наука номер два», основанная на предположении, что сущность исторического коренится не в самой истории, а способе ее интерпретации. Классический историзм поэтому имеет дело с самой историей, тогда как в эпоху постмодерна предмет исторического сознания сводится к специфике формы выражения – понятийного или лингвистического – того содержания, которое, на первый взгляд, непосредственного отношения к сфере исторического не имеет. История оказывается способом видения, вне которого вести речь об истории не имеет смысла.

Проявление такого нового понимания принципа историзма связано с «лингвистическим поворотом» в историографии, основанном на убеждении, что именно язык оказывает определяющее воздействие на историческое сознание. История – это особый, «исторический» язык, и задачей исследователя является определение сущности и особенностей этого языка, определение законов производства исторического дискурса. Еще одно направление в рамках «лингвистического поворота» – история идей и понятий, понимаемая как ключ к раскрытию смысла исторических событий. Важно отметить, что внимание ученого-историка к специфике исторического языка, к истории понятий и идей еще не несет в себе радикальных изменений в понимании самой сущности исторического, если анализ языка или идей воспринимается как сугубо вспомогательный инструментальный для достижения целей исторического познания, которые существенным образом не меняются. Но когда этой, на первой взгляд, «инструментальной» области исторического знания сообщается решающая роль, тогда вполне закономерно лингвистический поворот отождествляется с «постмодернистским переворотом» в историографии.

К концу 90-х гг. XX столетия идеи «лингвистического поворота», связываемого с именами Барта, Уайта, Анкерсмита, Данто [1-5], себя исчерпали, а его представители признали, что данный подход не может адекватно отразить сущность исторического сознания. Но идея «лингвистического поворота» в историографии остается имплицитной философским и идейным течениям XX века, в частности структурализму. Структуралисты, рассматривая любой предмет гуманитарного познания как текст, не могут не проецировать аналогичные исследовательские процедуры и на область истории. Методы литературной критики приобретают здесь универсальное значение, поскольку исторический факт рассматривается исключительно в его лингвистическом измерении. Связь исторического факта с реальностью оказывается лишь «эффектом реальности», а историческая наука, используя этот эффект, сообщает своим тезисам характер авторитарной суггестии и выполняет функцию идеологии. Лингвистическая критика именно в идеологическом аспекте не давала историкам никаких преимуществ, но ставила под сомнение саму правомерность решения исторической наукой каких-либо идеологических задач. Историки, увлеченные лингвистической критикой, обвинялись историками-традиционалистами в заговоре, нацеленном на дискредитацию профессии историка.

Теоретиками «лингвистического поворота» сближаются риторические приемы с аналогичными приемами литературы «критического реализма». Многообразие риторических приемов часто сводится к тому, что обычная трехчастная семантическая структура сводится к двухчастной, и возникает видимость, что слова

историка напрямую отсылают читателя к фактам, которые якобы получают свое значение не из языка, а от самой реальности. Исторический дискурс оставаясь, как и все иные разновидности дискурса, лингвистической формой, в силу используемых им риторических приемов оказывается способен преподнести себя в качестве адекватной копии реальности. Как только сила суггестии ослабевает, как только вышеупомянутые риторические приемы обнажаются, исторический дискурс перестает быть именно историческим, так как утрачивает свой идеологический характер.

Та или иная комбинация риторических приемов не только предопределяет жанр исторического повествования, но и генерирует его возможные значения. Три жанра исторического повествования – история как метафора, история как метонимия и стратегическая история – предполагают выбор между различными поэтическими тропами, которые, в свою очередь, предопределяют форму объективности исторического повествования и форму убедительности, форму суггестивной силы исторического дискурса. Избранная историком метафора играет, таким образом, определяющую роль в формировании исторических концепций.

В рамках «лингвистического поворота» в историографии укладывается и работа А. Данто «Аналитическая философия истории» [5]. Данто здесь выражает сомнение в существовании самого предмета исторического сознания. Следуя логике автора, ради изучения специфики исторического языка якобы можно и вовсе пренебречь исторической реальностью. Но в то же время часть работы Данто посвящена вопросу о различии между, собственно говоря, историей и хроникой, летописью, вышеупомянутым биографическим повествованием.

Сторонники «лингвистического поворота» хотя и выразили претензию на переосмысление методологических оснований традиционной исторической науки, но так и не предприняли попытки подвергнуть эти основания фундаментальной ревизии. Впервые такая объемная ревизия была осуществлена в книге Х. Уайта «Метаистория» [9].

Хронологический анализ Уайта сосредоточивается на XIX веке, так как концепции Вико, Гердера, Канта обрели статус «классических» не в XVIII, а в XIX столетии. Именно в этом столетии были созданы правила историографического дискурса, возникли представления о профессии историка, оформились контуры допустимого в исторической науке, которую начинают уверенно противопоставлять «истории как искусству». Именно этот комплекс «классических» представлений Уайт называет «бременем истории», связывая его не с отражением реального положения дел, а с особенностями исторического воображения в XIX столетии. Чтобы выявить эти особенности и дать им адекватную оценку, исследователь XX столетия должен находиться на определенной дистанции по отношению к «классической» историографии, причем эта дистанция должна быть не только хронологической. Отсюда и возникает необходимость создания «метаистории».

Результаты такого теоретического конструирования могут быть легко поставлены под сомнение, в первую очередь, из-за эклектического характера используемого Уайтом «строительного материала». Предпосылки метаистории Уайт видит и в аналитической философии, и в прагматизме, и в социологии знания К. Мангейма, и в русском формализме Р. Якобсона. Поэтому при оценке опыта построения метаистории внимание можно обращать не столько на результат, сколько на саму идею критики методологических оснований «классической» историографии с позиций лингвистики, литературоведения, социологии и философии. Историческая наука имеет общие основания с другими формами гуманитарного знания, и проблематизация этих общих оснований должна рассматриваться не только как расширение привычной теоретической области исторического знания, но и как углубление содержания самого принципа историзма. Кроме того, от сторонников «лингвистического поворота» историографию Уайта отличает то обстоятельство, что обращая внимание на специфику исторического дискурса, его риторические приемы, автор «Метаистории» вовсе не отрицает существования внетекстовой исторической реальности.

Роль дискурсивной стороны в историческом познании фиксируется Уайтом в акте «префигурации» – конституировании умозрительного объекта восприятия. Именно на этой стадии историческое исследование можно обоснованно сближать с литературным произведением, так как ключевую роль в префигурации мыслимого образа прошлого играют четыре тропа – метафора, метонимия, синекдоха и ирония, лежащие в основании романа, трагедии, комедии и сатиры. Согласно Уайту, эта лингвистическая сторона вовсе не генерирует историческое знание, так как последнее предполагает кропотливую работу с фактами и источниками. Эмпирическая обработка исторических фактов еще не обеспечивает возможность их связного описания, так как в самой совокупности фактического материала эта взаимосвязь не дана. Владение историческим дискурсом превращает историка в профессионала, позволяет представить ему историю как имеющую свое «начало» и свой «конец», тогда как сами факты всегда фрагментарны, их взаимосвязи бесконечны, и, следуя исключительно этим взаимосвязям, историк никогда не начнет свой рассказ и никогда его не закончит. Именно исторический дискурс генерирует то представление об исторической реальности, без которого сама историческая наука была бы невозможна. В контексте всего вышесказанного становится понятным большое значение роли, отводимой Уайтом «историческому воображению». Во-первых, это понятие подчеркивает родство исторического сознания с литературным вымыслом. Во-вторых, глубинная структура исторического воображения характеризуется понятием мимесиса, которое означает одновременно и подражание реальности и придание историческому дискурсу эффекта правдоподобия. В целом же категория исторического воображения по замыслу Уайта значительно расширяет границы традиционных форм историзма и открывает дорогу к созданию новых форм исторического познания. Эти задачи в какой-то мере были выполнены Ф. Анкерсмитом [1-3], который вводит свое, отличное от Уайта, понимание метафоры. Метафору он по существу сводит к индивидуальной точке зрения, с которой рассматривается та или иная область исторической действительности. Подобно трансцендентальному субъекту Канта субъект исторического познания, опирающийся на метафору, организует познавательный процесс с его формальной стороны, но эта формальная сторона играет по отношению к содержанию активную роль

и в известной мере адаптирует его под себя. В то же время метафора, используемая историком, организует эмпирический материал в его весьма узком сегменте, а все, что не объемлется метафорой, объявляется несущественным. Это, разумеется, не значит, что исторические факты не имеют никакого значения, но они всегда уступают по силе воздействия метафорическому измерению. Поэтому Анкерсмит рассматривает метафору как автономный инструмент исторического исследования, способный сыграть решающую роль в понимании прошлого. Так, к историческому исследованию, во-первых, применимы те метафоры, которые можно применить и к любому исследованию вообще. Такой метафорой, в частности, является метафора зеркала, широко распространенная как в эмпирических концепциях познания, где опыт наделяется способностью точно воспроизводить (то есть, отражать подобно зеркалу) чувственные данные, так и в рационалистических теориях, идущих от Декарта. Анкерсмит полагает возможным применить эту метафору к языку историка, так как именно язык определяет, насколько точно зеркало отражает реальность исторического прошлого. Анкерсмит убежден, что за всеми эпистемологическими системами, лежащими в основе философии истории, скрывается какая-то исходная метафора, либо пространственная, либо оптическая. Другой распространенной метафорой является «река времени», которая позволяет историку расположиться над временем (уподобиться Богу) и наблюдать историю в целом, находясь как бы вне времени. Эти метафоры и следует подвергнуть критическому анализу на предмет их совместимости с новой парадигмой исторического познания. Дело в том, что как в классической эпистемологии вообще, так и в классической историографии господствовало идущее от Декарта противопоставление субъекта и объекта, которое влекло за собой радикальный разрыв между миром и сознанием. Этот разрыв в рамках новой парадигмы исторического познания необходимо преодолеть. Для этого необходимо отказаться от метафоры «реки времени» и историзировать самого исторического субъекта.

Историзирование исторического субъекта предполагает принципиальное иное отношение к историческому языку и историческому тексту. Прежде историческое познание основывалось на постулате «двойной прозрачности» исторического текста, постулате, который предполагал, что через исторический текст скрывается, во-первых, сама историческая реальность, а во-вторых, позиция его автора, его видение мира. Приняв такой постулат, можно было редуцировать эпистемологическое значение текста как инстанции опосредствования, так как он в равной мере представлял и позицию автора текста, и саму реальность.

Для новой исторической науки вследствие совершающегося «лингвистического поворота» центром притяжения становится именно текст. Но этот текст лишается прежней «двойной прозрачности». Теперь для изучения исторического текста в арсенале историка имеются новые методологические техники, связанные с психоанализом, структурализмом, деконструктивизмом, лингвистикой, логическим анализом языка. Текст репрезентирует прошлое, но механизмы такой репрезентации едва ли могут быть переданы метафорой зеркала.

Рассматриваемый с точки зрения репрезентации исторический текст можно сблизить с изобразительным искусством и с литературой, так как там эффект правдоподобия достигается вовсе не в результате простого копирования реальности, а посредством особых художественных и риторических приемов. Но необходимо учитывать, что такого рода репрезентация прошлого в историческом тексте, осуществляемая при помощи характерных для искусства приемов, имеет целью не столько репрезентировать само прошлое, сколько репрезентировать прошлое именно как прошлое, то есть, в его радикальном отличии от настоящего. Прошлое должно быть представлено как некий феномен, как не-настоящее, и, следовательно, все его связи с настоящим либо становятся второстепенными, либо вообще редуцируются.

Вместе с тем, выявление метафор, ранее предопределивших историческое познание, и их критический анализ не означают, что новая историческая наука эпохи постмодерна будет вообще обходиться без метафор. Неустраняемая метафоричность исторического познания для Анкерсмита вовсе не является препятствием, непреодолимым с точки зрения принципа историзма. Наоборот, Анкерсмит ставит знак равенства между историзмом и эпохой постмодерна, постмодернизм для него и есть радикальный историзм. Во-первых, в эпоху постмодерна подвергаются отрицанию и уничтожающей критике все спекулятивные конструкции в области философии истории, включая системы Вико, Гегеля, Маркса, Шпенглера и т.д. Это отрицание следует, согласно Анкерсмицу, рассматривать как важнейший шаг к подлинному историзму, исключающему любое априорное объяснение истории, построенное на редукции ее многообразия к единому абстрактному принципу. Этот же шаг усматривается и в том значении, которое в постмодерне отводится категории различия. Подлинный историзм предполагает понимание исторических форм и эпох как в первую очередь отличающихся друг от друга, а момент их сходства остается на втором плане. Понятие репрезентации, ставшее в постмодерне доминирующим, в наибольшей мере соответствует задачам понимания различия исторических эпох.

Использование методов репрезентации в историческом познании выдвигает на первый план проблему исторического опыта. Эту проблему Анкерсмит осознает как пробел всего постмодерна и ставит перед собой задачу создать теорию исторического опыта. Причем, как полагает Анкерсмит, вовсе не обязательно обращаться к коллективному опыту, коллективным ментальностям, так как индивидуальный опыт мало чем отличается от коллективного. Особая роль в индивидуальном опыте отводится феномену ностальгии, которая служит чем-то вроде моста от настоящего к прошлому и перемещает человека в пространстве и времени. В любом случае речь идет не о научном исследовании прошлого, а его прямом переживании. Особенностью этого переживания является то, что прошлое так и остается непостижимым.

Возможно в том историографическом течении, которое здесь представлено Уайтом и Анкерсмитом, наибольший интерес представляют не теоретические и методологические рассуждения о репрезентации исторического опыта, а попытки такого рода репрезентацию осуществить на практике. Под эти требования историописания как нельзя лучше подходят работы Й. Хейзинги [10-12]. Хейзинга довольно неохотно формулировал

свои исследовательские принципы, но, тем не менее, в его историографической практике можно обнаружить ряд ограничений, которых он придерживался. Считая себя учеником Я. Буркхардта, он полагал, что историка отличает любовь к истории исключительно ради неё самой. Поэтому для настоящего историка стремление извлечь уроки из истории, чтобы пользоваться ими в будущем, отходит на второй план. В прошлом историк должен видеть непреходящее, и поэтому он, насколько это возможно, должен быть свободен от политических или социальных целей, от идеологических пристрастий. Историк должен с подозрением относиться к любым легким объяснениям, а также, в силу той же причины, к любым объяснениям тотального характера. История должна восприниматься как живой, многосторонний процесс, который хотя и подчинен определенным закономерностям, но в итоге складывается иначе. Сама история не имеет ни единой цели, ни единой причины. У историка должен быть дар образного воплощения исторических событий, то есть, то, что Уайт и Анкерсмит называют репрезентацией. Само же историческое исследование должно иметь форму увлекательного рассказа. Особая роль в рассказе отводится «исторической сенсации», переживание которой Хейзинга связывает с музыкальным переживанием. Это еще одна важная аналогия между исторической наукой и искусством.

Одним из наиболее ярких примеров воплощения идей Уайта и Анкерсмита являются работы У. Мак-Нила, по своей популярности на читательском рынке не уступающие бестселлерам [7-9; 13; 14]. Несмотря на незаурядную эрудицию автора, книги Мак-Нила лишены менторской назидательности и излишнего теоретизирования. При этом, если книги Мак-Нила и не укладываются в понятие «метаистории», то в любом случае каждая из них представляет собой весьма удачную попытку построения всемирной истории, так как их предметом всегда являются некие глобальные процессы – противостояние аграрных цивилизаций степным кочевникам, формирование всемирной торговли, распространение вооружений, интеграция мировой цивилизации в единую систему и т.п. Эти процессы сам Мак-Нил называет «соединением Ойкумены». Его книга «Чума и народы» считается первой работой в области экологической истории, где мировая история рассматривалась в аспекте изменений характера взаимодействия общества с окружающей средой. Экологическая и демографическая динамика становится у Мак-Нила определяющим фактором развития мировой цивилизации. Если в работе «Чума и народы» на первый план выходят эпидемии, то в книге «В погоне за мощью» демография определяется воздействием войн и развитием вооружений.

Сам Мак-Нил называет свою методологию «модернизационным диффузионизмом». Но и он, осознавая задачу репрезентации прошлого как наиболее важную для историка, в случае противоречия своего метода фактам, всегда пытается строить свои обобщения, привязываясь к фактам, порою не очень заботясь о соответствии обобщений теоретической установке. Причем аналогия между историческим познанием и художественными методами приобретает у него неожиданное измерение, так как она не только демонстрирует свою эпистемологическую эффективность, но и обнаруживает свое основание в самих исторических фактах, в «стиле» существования различных цивилизаций. И если главное, что должен репрезентировать историк, – это «стиль» существования цивилизаций прошлого, то, вероятно, художественные методы окажутся в данном случае наиболее эффективными. В этом отношении работы Мак-Нила одновременно являются и воплощением на практике идей Уайта и Анкерсмита, и подтверждением эффективности художественных и риторических приемов в историческом познании, и опровержением их тезиса о «конце» тотальной истории.

Оценивая значение «лингвистического поворота» в историографии в целом, следует отметить, что помимо явных отрицательных результатов, выразившихся, в частности, в том, что он не оказал серьезного влияния на академический статус исторической науки, имеются и явно положительные следствия этого движения. Сравнительно небольшая группа историков, увлеченных идеями лингвистической критики исторического сознания, начала смелое экспериментирование с повествовательными техниками, заимствуемыми из художественной литературы или даже из кинематографа. Историческая наука, ни в коей мере не проиграв в результате нескольких десятилетий лингвистической критики, выиграла в плане формы, в плане расширения арсенала используемых выразительных средств. Современный историк, постоянно находясь на тонкой грани, разделяющей факт и нарратив, правду и вымысел, является одновременно и документалистом-архивариусом и идеологом-созидателем политической, культурной, национальной и духовной идентичности. И здесь форма и техника вопрошания к прошлому и взывания к будущему становится обоюдоострым инструментом конструирования политического настоящего.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. А. Олейникова и др. М.: Европа, 2007. 608 с.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев. М.: Канон, 2009. 399 с.
3. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427-441.
5. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной; под ред. Л. Б. Маковой. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Лифшиц М. А. Модернизм как явление буржуазной идеологии // Лифшиц М. А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Изобр. искусство, 1988. Т. 3. С. 438-454.
7. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 456 с.
8. Мак-Нил У. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира: альманах. 2001. Вып. 2. С. 16-38.
9. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.

10. Хейзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 786 с.
11. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемнённый мир / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. Сильвестрова; коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
12. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
13. McNeill W. Plagues and People. Oxford: Blackwell, 1977. 365 p.
14. McNeill W. The Rise of the West: A History of Human Community. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 828 p.

CLIO AS MIRRORED BY POSTMODERNISM: LINGUISTIC EXPLICATIONS OF HISTORY AND HISTORICISM

Samylov Oleg Valer'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
St. Petersburg State Transport University
os@rusk.ru

The article considers the essence of “linguistic turn” in historical cognition. By the material of philosophical and historical conceptions by R. Barth, H. White, F. Ankersmit and others, the meaning and methodological consequences of narration and the gain of suggestive practices in historiography are revealed. The author shows that new methodological techniques in historical cognition, deconstruction and erasing differences between historiography and literature can expand the epistemological possibilities of academic historical science.

Key words and phrases: postmodernism; linguistic turn; narrative techniques; historical discourse; extra-textual historical reality.

УДК 343.2

Юридические науки

В статье сопоставляются «иные меры уголовно-правового характера» с наказаниями с целью выявления существенного отличия. Понимание иных мер как производных от наказания порождает отождествление правовых явлений, обеднение мер противодействия преступности и трудности в практической деятельности. В результате исследования выделены обременяющие «иные меры уголовно-правового характера» и дано определение этому правовому феномену, что позволяет выработать новые пути и способы борьбы с преступлениями.

Ключевые слова и фразы: наказание; кара; иные меры уголовно-правового характера; обременения; принуждение; сущность.

Санайлов Тимур Андреевич

Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний
tim.san2015@yandex.ru

«ИНЫЕ МЕРЫ» УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ХАРАКТЕР ПРИНУЖДЕНИЯ[©]

Продолжительное время в отечественном уголовном праве основная концепция борьбы с преступлениями сводилась к системе «преступление – наказание», и привычно было полагать, что реакцией государства на преступление является мера государственного принуждения в виде наказания. Вместе с тем, как замечает С. Г. Келина, «история уголовного права свидетельствует, что со временем меняется не только круг деяний, которые включаются в категорию преступлений, меняются также методы уголовно-правового воздействия – расширяется перечень видов наказаний за совершение преступлений, вырабатываются иные меры, не являющиеся наказанием, но представляющие собой правовые последствия совершения преступления» [2, с. 51]. С течением времени стало понятно, что система «преступление – наказание» не срабатывает (преступления совершаются, несмотря на угрозы наказанием), и она стала трансформироваться в систему «преступление – уголовная ответственность». Ученые пришли к выводу, что за совершение преступлений неотвратимо должна наступать уголовная ответственность, которая возможна и без назначения наказания, с помощью других средств.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) меры, которые не являются наказанием, установлены законодателем в разделе VI «Иные меры уголовно-правового характера». Фактически законодатель легально закрепил их в качестве отдельного института уголовного права. Однако дискуссии о понятии «иных мер уголовно-правового характера», сущности, юридической природе, перспективах развития не стихают до настоящего времени и вряд ли стихнут в ближайшем будущем. Обусловлено это отсутствием единства взглядов ученых на фундаментальные категории уголовного права, отсутствием законодательного определения «иных мер уголовно-правового характера». Соответственно, не определены их цели, не разработан и вопрос об особенностях их применения, не установлены и не систематизированы виды таких мер, не раскрывается их содержание. Вопросы о сущности, правовой природе, правовой регламентации «иных мер уголовно-правового характера», их обоснованности, целесообразности остаются дискуссионными, что нашло свое отражение и в уголовном законе.